

МОДЕЛИ ВКЛЮЧЕНИЯ РОДНЫХ СЛОВ В УСТНУЮ РЕЧЬ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ БИЛИНГВАМИ – ЖИТЕЛЯМИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГАЛУШКО Елена Федоровна

кандидат филологических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова»

г. Ульяновск, Российская Федерация

Устные рассказы коренных жителей Ульяновской области (татар-мишарей, эрзян, чуваш) послужили основой анализа современных механизмов билингвального переключения с русского языка на родной язык и обратно. Мотивы введения родных слов в русскую речь и метаязыковые комментарии показаны в ситуациях плавного речевого потока и припоминания. Способы трансформации русского слова (в том числе и диалектного) обозначены и объяснены влиянием системы родного языка и культурно-исторической традиции. Обобщение примеров интерференции представлено в формате открытого списка моделей.

Ключевые слова: речевая практика, слово, диалектные компетенции, интерференция, модель, билингвы, Ульяновская область.

Речь сельских жителей многонациональной России продолжает привлекать внимание лингвистов. Многообразны поставленные авторами цели, различны методы сбора материала, его интерпретации, и о чем бы ни писали авторы (о коммуникативных стратегиях; изоглоссах; возможных лексикографических толкованиях слов и так далее), они не могут не учитывать множественность речевой практики этносов, живущих в Российской Федерации.

В русистике с 70-х гг. XX в. собранный полевой материал часто интерпретируется как «полудиалектная» речь (некое сочетание явлений, системных для диалекта, и явлений, системных для литературного языка и просторечия, но «асистемных» для данного диалекта). Условность термина «полудиалект» не позволяет оперативно использовать его при формулировании выводов в современных исследованиях русских диалектов и народной речи во всем ее многообразии (подробно сложившаяся ситуация описана нами в работе «Современные акценты в изучении русских говоров» [2, с. 31]). Обладатели диалектных компетенций могут жить в городе, но сохранять связь с деревней через общение со своими родственниками, могут они быть и билингвами.

Таким образом, современные исследова-

ния народной речи в условиях многонациональной России должны базироваться на широкой исследовательской базе, позволяющей изучить ежедневную речевую практику на русском языке коренных жителей страны, изучить такую практику в многообразии ее векторов и форматов.

Учеными доказано, что речь современного респондента трансформируется в зависимости от многих факторов. Например, шанс зафиксировать диалектные единицы выше в ситуации, когда адресат будет иметь с респондентом «общий фрагмент региональных фоновых знаний» [4, с. 87]. Влияют миграционные процессы, как среди представителей одного этноса (из села в село, из села – в город, из стран СНГ – на родину), так и среди представителей разных народов, живущих в конкретном регионе и за его пределами.

Например, в Ульяновской области по данным, опубликованным на сайте регионального правительства, проживают «73,2% русских, 12,24% татар, 7,7% чуваш, 3,18% мордвы, 0,86% украинцев» [3], 2,82% представителей других национальностей. Конечно, цифры различаются по конкретным населенным пунктам, районам, но в большинстве случаев – села региона состоят из жителей нескольких национальностей. Вот, напри-

мер, как рассказала об этом Надежда Петровна Ф. 1951 г. р.: *«Када в децтве вот мы жыли / в аснавном / были вот русские / чувашы / татары / единичны / но сейчас вот / много наций паявилас / и узбеки / и татары / и казахи паявились / и цыгане даже живут у нас / две или три симйи //»* (Новый Урень Ульяновского района Ульяновской области). Запись была сделана во время летней диалектологической практики 2016 года студентами-филологами «Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова».

Формат полевой диалектологической практики, принятый в соответствии с учебным планом педагогического вуза, позволяет аккумулировать записи речи русских сельских жителей региона. Студенты сначала изучают курс «Русская диалектология», затем применяют знания на практике и записывают народную русскую речь. В ходе такой практики в многонациональной Ульяновской области возможны случаи, когда в общении участвуют и представители других этносов, говорящие на русском языке (чаще всего в ситуации смешанных браков). Нередко в речи билингвов обнаруживаются диалектные слова, характерные для этнических русских. Информативны материалы и в тех случаях, когда опрашиваются русские жители сел с численным преобладанием татар, чуваш, мордвы. Известны в регионе даже характерные наименования, например, чуататары. Так называют объединение чувашей с татарами: *Ф силе пръжывают чувашы // чуататары //* Новая Лебейка Старокулаткинского района Ульяновской области, 2018 г., респондент – Хайди Биляловна К., 1969 г. р.

Накопленный в ходе диалектологических экспедиций материал позволяет не только получить представление о специфических чертах менталитета татар, чуваш, мордвы, говорящих на русском языке и в определенной степени испытывающих влияние диалектных дискурсов русских односельчан, но и выделить частотные способы включения билингвами родных слов в собственную русскую речь.

В качестве доказательства рассмотрим примеры записей, сделанных в Ульяновской области в 2016-2018 гг. Условно разделим

примеры на две группы: 1) группа, включающая записи, в которых переход на родную речь никак не оговаривается респондентом; 2) группа, включающая записи, в которых переход сопровождается метаязыковыми комментариями.

Естественное для респондента переключение на родной язык было зафиксировано в речи Хайди Биляловны К., она, рассказывая о селе, произнесла: *«В пасадке зирек //»* (Новая Лебейка Старокулаткинского района Ульяновской области). *Зирек* – ольха [7, с. 103]. Характерно, что в речи другой жительницы села (чувашки по национальности) то же самое слово было употреблено с последующим русских эквивалентом: *Зирек / ольха //* (Лилия Николаевна Е., 1964 г. р.). В том же населенном пункте: *Давай быстрее / нака сули //* респондент – Аьфия Вагизовна А. 1966 г. р. Слова *сули, сулярия* (в обоих словах ударение падает на последний слог; русск. ‘говорит’, ‘говорить’) характерны для носителей мишарского (западного) диалекта татарского языка.

На вопрос адресата о мотиве появления слова «сули» в речи на русском языке респондентка ответила: *«Так кароче»*.

Иногда влияние родного языка проявляется в изменении формы слова. Например, живущая в Ульяновске Светлана Анатольевна Иг. (чувашка по национальности), 1976 г. р. рассказала: *«А тагжъ бабушка делала малочный суп / и назывался он сътируха //»* (2018 г.). Русское слово *затируха* (одно из наиболее частотных значений – ‘каша из муки и воды’, современное значение – ‘молочный суп или запеканка’) было произнесено респондентом без звонкого согласного в силу особенностей фонетической системы родного языка.

Следует отметить, что нередко речь билингвов содержит интересную для исследователя русских диалектов информацию. Так, в речи Анастасии Михайловны Б. (1938 г. р.), говорившей на русском языке, были отмечены территориально ограниченные явления, свойственные русским диалектам региона (например, твердый согласный *ч*, формы имен прилагательных и глаголов со стяжением гласных после утраты интервокального йота, замена предлога *из* предлогом *с*). Наряд-

ду с этим была зафиксирована интерференция под влиянием эрзянского языка (отсутствие категории рода): *Раньше вить как // возъмёшь калинкор / калинкор белой эта / простынки с калинкора / шас цветасты / а раньше цветастых не было / и калинкору лишнево не было // вот возъмёшь калинкор // и полоски начэртишь // и вышиваешь <...> А у миня / у моей бабушки // и мама пряла и / эта / вьртенем пряли // этот / доска / на доске палка / туда завяжут шэрсть / и вот тянут / и понемношку и / прядёт // Кузоватово Кузоватовского района Ульяновской области, 2016 г.*

В ходе полевых наблюдений за речью билингов Ульяновской области были зафиксированы диалектные слова, типичные для речи русских жителей региона, но с иным значением, соответствующим родным культурным традициям.

В русских диалектах региона есть слово *курник* (чаще с ударением на первом слоге). Это слово может обозначать в разных населенных пунктах: «пирог с мясом на свадьбе» (Сенгилеевский р-н), «пирог из мяса курицы» (Майнский р-н, Ульяновск); «пирог с мясом (любым)» (Барышский, Вешкаймский, Чердаклинский р-ны); «открытый, круглый пирог», «пирог с мясом на свадьбе» (Чердаклинский р-н), «пирог с куриным мясом и рисом» (Старый Белый Яр Чердаклинского р-на); «кондитерское изделие с курицей и рисом», «пирог с курицей и картошкой», «пирог с мясом и картошкой», «выпечка» (Ульяновск)» [2, с. 108]. Но никогда не фиксировались в речи этнических русских значения, свойственные, например, эрзянскому языку: «сдобный свадебный пирог из пресного теста, украшенный узорами или сдобный ситный пирог из пресного теста с гороховой начинкой» [8, с. 317].

В чувашской культурной традиции *курник* (с ударением на последнем слоге) представляет собой особое кулинарное изделие: *Курник / большой круглый пирок / с начинкой из пиына и разньвь рода мяса // Екатерина Анатольевна Ир. (1997 г. р., чувашка, место рождения – чувашское село Вырыстайкино Сенгилеевского района). Она же рассказала о технологии приготовления пирога: «Там у нас*

сабираюца фсе блиские / роцтвиники/ и мы гатовим большое национальное блюда курник // в ниво входит мяса / ну курица / свинина / можно и то / и другое / и лука многа // этъ дельйьца / внис сначала стелиць тестъ / сала сначала / штоп ано растапилось / и тестъ было жырным / ну и кладём сляями мяса / пиыно / лук //» (запись 2018 г.). Пример показывает, что наличие образования, похожего по форме на русское слово, еще не гарантирует такую же семантику.

Рассмотрим примеры, в которых переключение сопровождается метаязыковыми комментариями.

Такой комментарий, как правило, сопровождает момент вербального поиска. Были отмечены несколько ситуаций.

Первая ситуация. Русский эквивалент родным словам после заминки найден: *За грибами ходили / маслята // тож пироги пекли / ис / эта / из грибоф / пироги пекли и // <...> ды я поруски не могу их / белянки / маслята / опята // Кузоватово Кузоватовского района Ульяновской области, 2016 г., Анастасия Михайловна Б.*

Вторая ситуация. Дважды дифференцируется родное слово, русское слово упоминается (по мнению респондента) как более понятное адресату: *В огороде / пазём ишо я помну сажали / ну / по руски нъзывали конопляник / пазёмы // Там же, 2016 г., Нина Алексеевна З., 1949 г. р. Характерно, что слово конопляник включено в «Словарь русских народных говоров» с пометой владимирское: «земельный участок, на котором растет или росла конопля» [6, с. 266].*

В национальных словарях можно найти перевод лексических единиц *пазе* и *пазай*: *пазе* – «посконь, мужская особь конопли с более тонким стеблем, чем у женской особи» [8, с. 450], *пазай* – «кудель, посконь» [5, с. 197].

Третья ситуация. Респондент с помощью метаязыкового комментария четырежды дифференцирует родное слово, эквивалентное русской лексической единице: *Мы травы ни набирали / вот шяс я знайу вот / ньпример / этъй / как ево / шявель / у нас / по-нашему умбра / у нас звался // этъ по-мордофски / по-наишму // Большие Ключицы Ульяновского района, 2018 г., Валентина*

Николаевна С.

Валентина Николаевна, 1940 г. р., переехала в этот большой населенный пункт в 1975 г., а местом ее рождения является село Русский Юрткуль Старомайнского района Ульяновской области. *Умбрав* – «травянистое растение семейства гречишных, с продолговатыми съедобными листьями кислого вкуса» [8, с. 694].

Подведем итоги. Если, используя сокращения, обозначить контекст на русском языке – *KP*, русское слово – *pc*, татарское слово – *тс*, мишарское диалектное слово – *мдс*, эрзянское слово – *эрс*, видоизменение формы под влиянием системы родного языка – *, видоизменение значения под влиянием системы родного языка и культурно-исторической традиции – **, метаязыковой комметарий – *мк*, а количество повторов указать с помощью цифр, то можно обобщить полученные факты в моделях:

1. *KP...тс*
2. *KP...тс + pc*

3. *KP... мдс*

4. *KP... pc** под влиянием чувашского или эрзянского языков... *KP*

5. *KP... pc*** под влиянием чувашского языка... *KP*

6. *KP...[ситуация припоминания] мк + pc... KP*

7. *KP... эрс + мк + pc + эрс... KP*

8. *KP... [ситуация припоминания] pc + 2 мк + эрс + 3 мк*

Собранный в Ульяновской области и впервые введенный в научный оборот полевой материал демонстрирует продуктивность выбранной исследовательской стратегии. Изучение примеров интерференции, механизмов введения билингвами – коренными жителями региона родных слов в речь на русском языке, способов изменения формы и значения русских слов (в том числе и диалектных) под влиянием систем родных языков и культурно-исторических традиций расширяет научные представления о современной речевой практике жителей региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Галушко Е.Ф.* Наименования изделий из теста в русских говорах Ульяновской области // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 7 – 9 нояб. 2016 г. – Кострома: КГУ, 2016. – С. 106-112.
2. *Галушко Е.Ф.* Современные акценты в изучении русских говоров // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.): Труды и материалы / под общей редакцией М.Л. Ремнёвой и О.В. Кукушкиной. – М.: Издательство Московского университета, 2019. – С. 30-31.
3. Об Ульяновской области [Электронный ресурс] // Губернатор и правительство Ульяновской области: [официальный сайт]. – URL: <https://ulgov.ru/-об-ульяновской-области/> (дата обращения: 10.11.2019).
4. *Климкова Л.А.* Параметры информативности диалектной речи // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования 2011) / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука, 2011. – С. 86-95.
5. Мокшанско-русский словарь / сост. С.Г. Потапкин и А.К. Имяреков. – М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1949. – 360 с.
6. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Сороколетова. Вып. 14. Кобзарик – Корточки. – Л.: Изд-во «Наука», 1978. – 376 с.
7. Татарско-русский словарь: 25 000 слов / И.А. Абдуллин, Ф.А. Ганиев, М.Г. Мухамадиев, Р.А. Юналеева / под ред. Ф.А. Ганиева. – Казань: Татарское книжное издательство, 2002. – 488 с.
8. Эрзянско-русский словарь / под ред. Б.А. Серебренникова, Р.Н. Бузаковой, М.В. Мосина / Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при правительстве Мордовской ССР: Русский язык. – М.: Дигора, 1993. – 803 с.

**MODELS FOR INCLUDING WORDS OF THE FIRST LANGUAGE
IN RUSSIAN SPEECH BY BILINGUAL – RESIDENTS
OF THE ULYANOVSK REGION**

GALUSHKO Elena Fedorovna

PhD, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

I.N. Ulyanov's Ulyanovsk State Pedagogical University

Ulyanovsk, Russia

Oral stories of the indigenous inhabitants of the Ulyanovsk region (Tatar-Mishars, Erzyans, Chuvashes) served as the basis for the analysis of modern mechanisms of bilingual switching from Russian to their native language and vice versa. Motives for introducing native words into Russian and metalanguage comments are shown in situations of smooth speech flow and recall. The ways of transforming the Russian word (including the dialect one) are indicated and explained by the influence of the mother tongue system and the cultural and historical tradition. A summary of interference examples is presented in the format of an open list of models.

Key words: speech practice, word, dialect competences, interference, model, bilinguals, Ulyanovsk region.
